

<i>D.H. LAWRENCE</i> THE SUN (excerpt) The end of February was suddenly very hot. Almond blossom was falling like pink snow, in the touch of the smallest breeze. The mauve, silky little anemones were out, the asphodels tall in bud, and the sea was cornflower blue. Juliet had ceased to trouble about anything. Now, most of the day, she and the child were naked in the sun, and it was all she wanted. Sometimes she went down to the sea to bathe: often she wandered in the gullies where the sun shone in, and she went out of sight. Sometimes she saw a peasant with an ass, and he saw her. But she went so simply and quietly with her child; and the fame of the sun's healing power, for the soul as well as for the body, had already spread among the people; so there was no excitement. The child and she were now both tanned with a rosy-golden tan all over. "I am another being!" she said to herself as she looked at her red-gold breasts and thighs. The child, too, was another creature, with a peculiar quiet, sun-darkened absorption. Now he played by himself in silence, and she hardly need notice him. He seemed no longer to know when he was alone. There was a breeze, and the sea was ultramarine. She sat by the great silver paw of the cypress tree, drowsed in the sun, but her breasts alert, full of sap. She was aware that an activity was rousing was rousing in her, an activity which would carry her into a new way of life. Still she did not want to be aware. She	<i>Д. Г. ЛОУРЕНС</i> СОЛНЦЕ (отрывок) <i>Перевод М. Кореневой</i> Конец февраля неожиданно оказался очень жарким. От малейшего дуновения цвет миндаля опадал, словно розовый снег. Распустились маленькие розовато-лиловые шелковистые анемоны; высоко, все в бутонах, поднялись асфодели; море отливало васильковой синевой. Джульетта перестала волноваться о чём бы то ни было. Теперь они с ребёнком почти весь день проводили на солнце, и это было всё, чего ей хотелось. Иногда она спускалась к морю и купалась, часто бродила в лощинах, пронизанных солнцем, вдали от людских глаз. Иногда она видела крестьянина с ослом, и он видел её. Но она шла с ребёнком так свободно и просто, да и слава о целительной силе солнца – и для тела, и для души – уже разнеслась по округе, и потому встреча не вызывала волнений. Оба, и она, и ребёнок, покрылись теперь золотисто-розовым загаром с головы до пят. – Я стала другим человеком, – говорила она себе, глядя на свою золотисто-румяную грудь и бёдра. Ребёнок тоже стал другим существом, отмеченным какой-то особой, тихой, проморенной солнцем сосредоточенностью. Теперь он тихо играл один, и ей почти не приходилось следить за ним. Как будто он даже и не замечал, когда оставался один.	<i>Д. Г. ЛОУРЕНС</i> СОЛНЦЕ (отрывок) <i>Перевод Т. Тульчинской</i> Конец февраля выдался неожиданно знойным. Цветы миндаля – стоит лишь слегка дунуть ветру – сыпали на землю розовым снегом; лиловели мелкие шелковистые ветреницы, пышно цвёл златоок, море стало васильковым... Джульетту теперь ничто не тревожило. Целыми днями валялись они с сыном на припёке, и она была вполне счастлива. Купались в море, бродили по лощинам, куда заглядывало одно только солнце. Впрочем, порой она замечала крестьянина с осликом, и тот тоже видел её. Но встречи эти никого не смущали: местные были уже наслышаны о целебном действии солнца на чужестранку, да и шла она так покойно и просто, ведя за руку сына. Оба они покрылись густым загаром. «Как я изменилась...» – думала она, разглядывая свои золотистые, с красноватым отливом ноги, грудь. Ребёнок тоже стал совсем другим – облитый ровной, спокойной смуглотой, он обособился, не дёргал её, как прежде. Тихонько играл сам по себе и совсем не тяготился одиночеством. ...Дул ветерок, ярко синело море. Разнежившись на жаре она дремала под могучим серебристым кипарисом, лишь груди её смотрели живо и остро. Она уже понимала, то внутри неё зреет сила, такая, что перевернёт всю её жизнь, – и не хотела этого понимать. Ибо слишком хорошо знала, как
--	---	---

knew well enough the vast cold apparatus of civilisation, so difficult to evade. The child had gone a few yards down the rocky path, round the great sprawling of a cactus. She had seen him, a real gold-brown infant of the winds, with burnt gold hair and red cheeks, collecting the speckled pitcher-flowers and laying them in rows. He could balance now, and was quick for his own emergencies, like an absorbed young animal, young animal playing silent. Suddenly she heard him speaking: “Look, Mummy! Mummy, look!” A note in his bird-like voice made her lean forward sharply. Her heart stood still. He was looking over his naked little shoulder at her, and pointing with a loose little hand at a snake which had reared itself up a yard away from him, and was opening its mouth so that its forked tongue flickered black like a shadow, uttering a short hiss. “Look, Mummy!” “Yes, darling, it’s a snake!” came the slow, deep voice. He looked at her, his wide blue eyes uncertain whether to be afraid or not. Some stillness of the sun in her reassured him. “Snake!” he chirped. “Yes, darling! Don’t touch it, it can bite.” The snake had sunk down, and was reaching away from the coils in which it had been basking asleep, and slowly was easing its long, gold-brown body into the rocks, with slow curves. The boy turned and watched it in silence. Then he said: “Snake going!” “Yes! Let it go. It likes to be alone.” He still watched the slow, easing length as the creature drew itself apathetic out of sight.	Не было ни малейшего ветерка, море отливало ультрамарином. Она сидела у огромной серебристой лапы кипариса, разомлев от солнца, ног её чуткая грудь жила, налитая соком. Он начинала понимать, что в ней пробуждается энергия, которая приведёт её к новой жизни. И всё же она не хотела понимать. Слишком хорошо знала она огромный холодный механизм цивилизации, от которого так трудно спастись. Обогнув огромный раскидистый кактус, ребёнок прошёл несколько ярдов по каменистой тропке. Она видела, как он, поистине золотисто-коричневое дитя ветров, с выгоревшими золотыми волосами и румяными щёчками, рвал крапчатые мухоловки, укладывая их рядками. Сейчас он двигался уверенно и быстро справлялся со своими трудностями, точно молодой зверёк поглощённый безмолвной игрой. Вдруг она услышала, как он позвал: – Посмотри, мамочка! Мамочка, посмотри! Какая-то нотка в его щебечущем голосе заставила её резко податься вперёд. У неё замерло сердце. Он смотрел на неё через своё обнажённое плечико и мягкой ручкой показывал на змею, которая с шипеньем поднялась в ярде от него, изготовляясь к броску, в раскрытой пасти, словно тень, подрагивал мягкий чёрный раздвоенный язык. – Посмотри, мамочка! – Да, милый, это змея, – раздался её медленный, грудной голос. Он смотрел на неё широко открытыми голубыми глазами, не уверенный, надо бояться змеи или нет. Дарованное ей солнцем спокойствие успокоило и его. – Змея! – прошептал он.	засасывает безжалостная, всеохватная машина городской суеты, и не надеялась ускользнуть. Ребёнок гулял по каменистой тропке, меж кактусовых зарослей. Срывал и укладывал рядками пёстрые насекомоядные цветы – румяный, золотисто-смуглый, с выгоревшими волосами, настоящее дитя природы. Теперь он был твёрже на ногу и, по-зверьячи увлекаясь своей молчаливой игрой, ловко взбирался, куда хотел. – Мама, мама, смотли! – вдруг крикнул он, и что-то в его залившимся голосе заставило её мгновенно вскочить. Сердце замерло: он смотрел на неё через голое плечико и, чуть поводя рукой, указывал на змею... Та с тихим шипом поднималась в двух шагах, в приоткрытой пасти чёрной тенью дрожал раздвоенный гибкий язычок. – Смотли! – Вижу, маленький, это змея, – медленно и глухо произнесла она. В его огромных голубых глазах мелькнуло сомнение: это страшно?.. Но от матери, как от солнца, исходил ровный, тёплый покой, и страх отступил. – Змея!.. – повторил он звонко. – Не трогай её, маленький, а то укусит. Змея нырнула головой и, неспешно разматывая сонные, угревшие на солнце кольца, плавно изгибаясь длинным жёлтым лоснистым телом, поволоклась прочь. Малыш молча смотрел. – Уходит, – наконец сказал он. – Пусть идёт. Она любит играть одна. Он не отрывал взгляда. Змея расправилась всю длину и, равнодушно скользнув меж камней, исчезла.
--	---	---

“Snake gone back,” he said. “Yes, it’s gone back. Come to Mummy a moment.” He came and sat with his plump, naked little body on her naked lap, and she smoothed his burnt, bright hair. She said nothing, feeling that everything was passed. The curious soothing power of the sun filled her, filled the whole place like a charm, and the snake was part of the place, along with her and the child.	– Да, милый! Не трогай её, она может укусить. Змея опустилась на землю и, разматывая кольца, свернувшись в которые она спала на солнцепёке, медленно извиваясь, потянула своё золотое с коричневым тело среди камней. Мальчик повернулся и молча наблюдал за ней. Потом сказал: – Змея уходит. – Да! Не мешай ей. Она любит быть одна. Он всё ещё следил за медленным движением длинного ползущего тела, пока с безразличным видом та не скрылась. – Змея ушел, – сказал он. – Да, ушла. Пойди на минутку к маме. Он подошёл и сел к ней на колени. Обнажённая, она держала его пухлое, обнажённое тельце и гладила светлые, выгоревшие волосы. Она ничего не говорила, чувствуя, что всё позади. Странная, умиротворяющая сила солнца, словно чудо, наполняла её, наполняла всё это место, и змея так же принадлежала к этому миру, как она и ребёнок.	– Домой ушла, – сказал сын. – Верно, домой. Подойди к маме на минутку. Он подбежал, голенький, пухлый, забрался ей на колени. Молча – всё позади!.. – она погладила выгоревшие до яркой белизны волосы. Её вдруг наполнила небывалая, спокойная сила, и той же чарующей, льющейся из солнца силой напитался весь мир – и змея увиделась такой же его частью, как она сама, её сын.
--	--	---